

An impressionistic landscape painting with a vibrant, cloudy sky in shades of blue, white, and grey. The foreground is a lush green field with patches of yellow and brown, suggesting a path or a field of wildflowers. In the middle ground, there are dark, silhouetted trees and a small red building. The overall style is expressive and painterly.

Владимир Макарченко

Дорога в Русь

Фэнтези

Владимир Макарченко

Дорога в Русь. Фэнтези

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22059107

ISBN 9785448341076

Аннотация

Приняло вече Ладоги Рюрика на княжение. Властью должной наделило. Клятву от него уже по своим обычаям приняло. Дружно пристроили к стенам крепостным добавочные. И получился особый пригород за крепостной стеной в котором расселился Рюрик с дружиной своей. Старую же стену ломать не стали. Больше пригляду за чужаками, когда те в город через ворота выходят, а не шмыгают вольно без преград. Мало ли?

Содержание

Книга первая. Князь един!	5
Глава 1. Рыжий медведь	5
Глава 2. Перемены	18
Глава 3. Грустные думы	26
Глава 4. Братья	39
Глава 5. Так начиналось	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дорога в Русь Фэнтези

Владимир Макарченко

© Владимир Макарченко, 2016

ISBN 978-5-4483-4107-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая. Князь один!

Глава 1. Рыжий медведь

– Родмир! Родмир! – В комнату, где за длинным столом восседало человек двадцать воинов, облаченных в кольчужные рубашки, вбежала пожилая женщина и остановилась перед сидевшим на почетном месте их предводителем. – Беда!

– Что случилось?! Почему явилась без спросу?! – Тот, кого женщина назвала Родмиром, повернул к ней злые глаза, приведшие ее в еще больший трепет.

– Прости, господин! Беда! Прибыл гонец...

– Зови! Сейчас же зови, баба! – Грозно рявкнул Родмир.

– Я не могу... – Женщина, прося взглядом милости своего господина, упала на колени.

– Это почему еще?!

– Он умер, господин.

Сидевшие за столом, вскочили с лавок. Посыпались вопросы. Родмир поднял вверх правую ладонь. В доме наступила гробовая тишина.

– Говори быстрее, глупая баба! – Одним легким движением Родмир поднял за шиворот с полу начавшую причитать женщину.

– У него две стрелы в груди. Как на коне усидел... До тебя

не дотерпел, господин. У крыльца и отошел...

– Говорил что-нибудь?!

– Только и разобрала, что брат твой не принял их... Велел лучникам уложить всех... Гонец один уцелел... Сумел вырваться...

Родмир отшвырнул от себя заливавшуюся слезами женщину и жестом указал ближайшему к ней воину вытолкать ее за дверь.

Молчание, явившееся в дом по его указанию, стало пропитываться горячими чувствами возмущения, которые вот-вот могли вырваться из могучих грудей окруживших Родомира воинов.

– Готовить коней! Мы идем на него! Он забыл уважение к старшему брату! Милорад ответит мне за свои дела!

Общий вздох удовлетворенности вырвался у воинов.

– погоди, сын! – Через боковую дверь в комнату вошла стройная пожилая женщина в дорогих одеждах. Из-под яркого плата на ее висках выбивались седеющие русые волосы. Взгляд больших зеленых глаз, наполненный необычайным теплом, устремился на Родомира. – Я сама поеду к Милораду. Мать дала вам жизни, мать и должна уберечь их. Если, когда завтра солнце повернет к закату, к тебе не прибудет мой гонец, выступай к городищу. Там решишь, как быть дальше. Дай слово, сын, что поступишь так!

Родомир в знак согласия отбил матери поклон.

– Поступай, как знаешь. Я сделаю, как просишь. Но не бо-

лее того! Я люблю тебя, мать, и был покорным сыном всю свою жизнь. Теперь же не тот случай. Прости...

Нежданно в этот приозерное городище, тесно зажатое старым частоколом и опоясанный глубоким рвом, прискакал израненный воин в кожаной броне с металлическими бляхами на груди и высоким шишаком на голове. Вроде и похоже было его воинское снаряжение на то, в которое рядились местные воины, но, все же, имело отличие от него. За его спиной сидела на коне молодая девушка с густыми русыми волосами, почему-то не упрятанная под плат от взоров посторонних. На глазах у стоявшего у ворот народа, воин, скрывая донимавшую его боль за случайно вырвавшимся тихим стоном, не совсем ловко спрыгнул с коня и опустил с седла на землю свою спутницу. Пошатываясь, он прижался спиной к коню и, поддерживая левой рукой еле стоявшую на ногах женщину.

– С миром к вам, народ... Помощи прошу... и крова... – Воин обвел глазами стоявших напротив него. – Помощи и крова... Я отслужу... Ей помогите...

Добрые руки подхватили не устоявшего на ногах раненого и увлекли в глубь городка. Кто-то повел следом усталого, покрытого хлопьями пены коня. Какие-то женщины с причитаниями засуетились вокруг приезжей.

– Закрывай ворота! Боярина зовите! Враг! Конно! – За-

звучали громкие крики.

Из-за дальнего перелеска на поляну выскочило десятка три всадников. Боевые одеяния на них такие же, как и на только что прибывшем в город неожиданном госте.

Всадники осторожно приближались ко рву, растянувшись цепью. Стена частокола ошетичилась в ответ луками, а зычный глас прибывшего боярина спросил:

– Кто такие?! По какому делу незвано?!

Один из всадников сделал знак рукой и конники остановились. Только один, демонстративно сняв с головы шлем и передав оружие соседям, выехал к бровке рва.

– Мой господин, Рыжий Медведь! Имя его заставляет трепетать в страхе всех соседей! Вы слышали о таком?!

– Доводилось! – Прокричал в ответ боярин. – Но от страха не дрожим! Бивали и не таких!

– Умерь гордыню, говорящий! Мой господин не тронет вас, коли вернете ему того, кто ищет защиты за вашими стенами!

– А не вернем?! Тогда чему быть?! – С явной усмешкой в голосе прокричал боярин.

– Думаю, быть вам битым, а граду вашему вотчиной Рыжего Медведя стать, по правилам боя!

– Пошто это шуму столько из-за одного?! Вас так мало, что из-за него силу потерять боитесь?! Иль важен очень?!

– Не он важен! – Ответствовал переговорщик. – Пленница его! Дочь она брата родного Медведя нашего! Силой и хит-

ростью увезена!

– У нее спросим! Коли подтвердит слова твои, получишь их в обрат, коли нет – не пеняй! Мы, просивших защиту, за ворота не выталкиваем! – Боярин обернулся к стоявшему рядом воину и повелел. – Беги за девкой. Веди сюда. Допрос чинить будем.

Зеленые глаза приведенной девушки с надеждой смотрели на боярина.

– Не против воли моей. Люб мне. – Заявила она.

– Им обскажи. – Боярин ткнул рукой в сторону всадников.

– Серог! Не похитили меня! По доброй воле увезена! Защиты прошу здесь себе и любому моему! – Прокричала девушка всадникам. – Не губите зря людей своих и здешних!

Всадники съехались в круг и о чем-то довольно долго и горячо спорили. В это время из-за перелеска показалась еще одна группа. Число воинов в ней раза в три превышало группу, стоявшую у рва. Вел воинов грузный всадник с густой рыжей бородой. Все встречавшие почтительно склонили головы. Чувствовалась большая власть за этим человеком, закованным в блестящую броню.

– Уж не сам ли Медведь пожаловал за тобой? – Спросил девушку боярин.

– Нет, господин. Отец мой. Брат Медведя.

– Может, оно и к лучшему. – Заключил боярин. – Отцу и решать с тобой. Может, миром и разойдемся, девка.

– Ольх, брат Рыжего Медведя, хочет говорить с боярином

и дочерью своей! – Прозвучало из-за рва.

– Пусть подъезжает к мосту! Безоружно и один! Там говорить с ним буду! – Прокричал боярин.

Все увидели, как рыжебородый Ольх снял с головы шлем, отстегнул щит и меч. Все это он передал воину, а сам шагом направил коня к мосту у ворот. Как только конь Ольха остановился перед мостом, створы ворот распахнулись, и боярин вывел за стену беглянку. Ольх спешил.

– Приветствую тебя, боярин! – Чинно произнес он.

– И ты здрав будь, воевода!

– Верни непокорную девку, боярин. Умыкателя ее мне на суд отдай. Миром разойдемся.

– Мир – дело хорошее, правильное. Почему не исполнить просьбу твою, воевода? – Начал заводить разговор боярин.

– Не просьбу, повеление! О дочери моей говорю! – Оборвал боярина Ольх. – Безвольна она предо мной!

– Погоди воевода! Не горячись. На дочь твои права не оспариваю. А с воем как?

– Казнь лютая ждет его, когда в землю нашу вернемся! – Закипел злостью Ольх.

– Постой, воевода! Постой! – Решительно воспротивился боярин. – Славный воин, как до нас дошло, в ближней дружине восседал у господаря твоего...

– У брата, боярин! У брата!

– Прости, воевода! Только, в любом краю по одному господарю на землях сидят, как я знаю. У вас иначе? Семейно?

Что ж, и то ладно. Тогда, кем величать прикажешь?

— Не в том суть! — Огрызнулся Ольх, гордыней скрывая свое пораненное боярином самолюбие. — Вертай дочь и похитителя. Разойдемся миром.

— Зачем же, и вправду, кровушку зря проливать? — Вроде бы начал соглашаться боярин.

— Не похитили меня! — Не сдержалась девушка, обращаясь к отцу. — Ты, батюшка, лучше других ведаешь! Сам когда-то меня в невесты ему пророчил, Аскольдушке! Так ведь? Теперь же братец твой мир себе через мою судьбину выкупить захотел? Вождю племени дикого, невесть откуда перековчавшего и угрозу ему чинящему, в жены пообещал. Тебя спросил?! В стан к тем разбойникам никакой волей не пойду! Лучше уж здесь руки на себя наложить!

— Не дури, девка! Разговор не окончен! А пугать отца родного — паскудное дело! Верно говорю, воевода? Отцу и не такие дела разрешать доводилось! Он многим душам суд дает. — Боярин отвел руку с ножом в сторону и шепнул девушке в ухо. — Постой, девка, разговор не окончен.

— Вернись, дочь. — Ольх заговорил уже, стараясь придать голосу непривычную для него мягкую интонации. — Аскольда не трону. Пусть остается. Побыла в невестах и довольно. А в жены другому отдана будешь. Так надо для народа нашего. Большая опасность краю нашему нашла. Справимся ли сами? Соседи только радостно из своих нор зрят. Помощи не дадут. Рыжий Медведь помял их всех в достатке.

– Руками воинов твоих! – Отвечала девушка. – За то и благодарит тебя. Дочь твою в жертву наметил. Почему не свою? В девках засиделась. А тут родство такое славное. Отцу помощь. Почему не она?! Жаль, что не дожила до того моя добрая матушка.

Слова дочери болью отразились на лице отца.

– Я давал клятву перед богами на верное служения брату. Обещал не жалеть ничего...

– И никого? – Вставила дочь. – Из-за него погибла моя мать, когда чуждые напали на наш обоз, а он не прислал подкрепление. Ты рубился, держа меня на руке. Почему он не пришел на помощь?! Готовил врагу засаду? Смешно, отец!

– Ты не вернешься? – Неожиданно дрожащим голосом спросил отец.

– Пока нет. Пока мой дядя будет править в нашей земле. Я останусь с Аскольдом. Я выбрала себе эту судьбу, отец.

– Видишь, воевода, твою дочь никто не похищал. Она просит защиты и крова вместе со своим женихом. Она дочь великого воина и невеста славного витязя. Могу ли я отказать им в таком случае? Нет. Закон гостеприимства обязывает меня, как и любого вождя, дать защиту и кров своим гостям на то время, какое им потребуется. И я беру их под свою руку. – Боярин твердо высказал свое справедливое решение.

– И не боишься набега? – Удивился Ольх.

– Даже, если бы боялся!

– Вижу, что могу доверить тебе судьбу своей дочери. Введу тебе ее и Аскольда! Пусть будет так! Прости, дочь, что не могу обнять тебя. Воины не поймут, если вы подойдете ко мне. Может завязаться ненужная теперь схватка и пролиться кровь. Прости... Держи вот! – Ольх взмахнул рукой и к ногам девушки упал перстень с красным камнем, которым очень дорожил отец, как памятью о погибшей жене.

– Прости и ты меня, отец! – Девушка зарыдала, уткнувшись лицом в грудь боярина.

Ольх, еле передвигая ноги, словно на его плечи положили по кулю с песком, добрал до своего коня. Воины помогли ему взобраться в седло, словно это был не грозный воевода, который умел вскакивать в седло и на ходу. О чем-то сказав воинам, Ольх махнул рукой. Всадники скрылись за перелеском.

Рыжий Медведь самолично разодрал на части жареного гуся и положил одну из них перед маленьким, сухоньким старичком с длинной белой шевелюрой, клочками торчащей из-под какого-то странного колпака, напыленного на голову. Буйная поросль седых усов и бороды указывала на то, что старичок давно уже не стриг своих волос. На нем была надета не менее странная, чем колпак, неведомая в здешних краях одежда. Короткая курточка без рукавов, расшитая какими-то узорами. Алая рубаха из какой-то блестящей материи. Возникающие на ткани складки напоминали собой ма-

ленькие волны. Широоченные штаны из такой же ткани, только черного цвета были перехвачены по талии широким кожаным поясом, из-за которого торчали рукояти двух ножей, заткнутых наперекрест. Штанины были заправлены в короткие сапожки с широкими голенищами, носы которых были загнуты вверх.

– Отведай, Салам. Сам подстрелил. Хорош гусак. – Громадный хозяин навис над маленьким гостем. – На сытый живот и думка идет. Поговорить мне с тобой, гость ты мой любезный, надо.

– Зачем же откладывать? Я уже знаю, зачем понадобился. Присядь, Медведь. Свет заслоняешь. А мне к костям-пропорицам обращаться надо. Здесь свет надобен. Каждая мелочь – тайна будущего. Один миг, и уже годы проглядели. Так-то! – Произнося эти слова, старичок отодвинул блюдо с куском гусятины и достал из-за пазухи какой-то кожаный мешочек. – Подпали еще лучин. Смотреть в будущее буду.

Старичок извлек из мешочка несколько тонких костяных пластинок с вязью знаков на них. Знаки были странные. Ложились по косточкам ровными змейками. Старичок зажал их в сомкнутых ладонях, воздел к потолку странно выпученные глаза и прокричал трижды непонятные Медведю слова. Стены комнаты вмиг пропали и Медведь со старичком словно повисли в воздухе ночи, окруженные горящими лучинами.

– Подставь ладони и замри! – Скомандовал Салам.

Медведь сомкнул свои широченные ладони и сунул их к лицу Салама. Тот потряс своими кулачками и бросил на подставленные ладони косточки с письменами.

– Возвращается брат твой. Без беглецов возвращается. Будет врать, что потерял след их. Не верь. Только, не лезь на рожон и ссору не затевай! Сделай вид, мол, поверил. Нельзя тебе ссориться с любимцем воинов твоих накануне больших дел...

– Это о чем ты там! – Перебил Медведь Салама. – Какие еще большие дела?

– Сосед наш согласится ли на замену обещанной невесты? Вижу, не очень охотно. Обиду на тебя затаит и поводом к падению на тебя этот момент изберет. Но, коли знаешь, что впереди ожидает, всегда можно и подправить что-то. Схитри пред ним. Скажи, что сам породниться решил и дочь свою за него отдать хочешь. А прежняя невеста, она не ровня жениху и тобой простому воину отдана, чтобы нос не задидала. Твоей же войны с соседом тогда не вижу...

– Ты хочешь, чтобы я дикарю этому свою дочь?! – Медведь так саданул кулаком по столешнице, что подпрыгнули миски с жареной птицей.

– Что ты наделал! Что ты наделал! – Завопил Салам, ползая по полу и собирая разлетевшиеся кости. Теперь мы не узнаем ничего больше. Ты закрыл дверь в будущее!

– Как же так?! – Медведь в отчаянии запустил обе пятерни в густую черную шевелюру на своей голове. – Придумай что-

нибудь! Может завтра...

– Все. Больше я уже ничего не смогу. – Развел руками старичок, пряча мешочек с костями за пазуху.

– И что меня ждет? – С надеждой спросил Медведь.

– Теперь оно само себя покажет. Для нас с тобой это уже тайна.

– А как с дочкой?

– Готовь приданое. В ней теперь вся твоя надежда на мир. Посылай гонцов к соседу. Согласится.

– Какой же ты колдун, когда других способов ответы находить не имеешь?

– Ответы находить я тебе всегда помогу. Это – дело не сложное. А вот судьбу свою на долгий срок узнать через меня не надейся. Захлопнул ты ход. Сам захлопнул. Видать, такова воля богов твоих. А может и не богов. Может, кто из обиженных тобой через иных магов и ведунов порог тебе поставил. Жизнь покажет. Коли есть чьи-то черные дела, обязательно почувствую и узнаю о творце их. Позволь покинуть тебя. Стар стал. А дел много еще. Снов тебе хороших!

С осени до весны мир с соседом был обеспечен.. Взял он дочь. Даже приданого большого не затребовал. А своему воеводе высказал:

– Весной солнце землю подсушит. Корм коням свежий прорастет. Тогда и востребуем у тестюшки то, от чего сейчас отступили. А заодно и землицы его к своим прирастим. Даст клятву на послушание и верность, тогда оставим правителем

в земле его. Но оброком тяжким обложим.

Глава 2. Перемены

За то и любил боярин Славутич знахаря Сухача, что не раз поворачивал тот в обрат тропинки воинов, в подземный мир уходящих. Смешон он на вид. Длиннен и тонок, как жердь. Самого рослого Славутича на две головы выше. А в плечах узок, словно малец десяти годов. Длинные, худые ручки чуть до колен не дотягивали. Внизу же венчались пучками длинных растопыренных пальцев, напоминавших выдернутые из земли корни. Синие, опущенные рядами густых ресниц, глаза, казалось, занимали половину его лица, глядя на мир с детской доверчивостью. Сила же в теле этом была необычайная. У всех на памяти было, как свернул быку шею, когда тот, озверев, на мальчонку бросился. Казалось, переломит мычащая громадина Сухача пополам. Ан, нет! Уцепился тот пальцами-корнями в бычьи рога, с места не двинулся. А потом... Бык и мыкнуть напоследок не успел. Сухач же, пряча глаза от произносящих похвалы и благодарности, покраснел, как девица, и трусцой покинул место своего подвига. Таков был этот знахарь!

— Ты уж мне парня на ноги поставь, Сухач. По старой нашей дружбе сил не пожалей. Коли что надобно, скажи. Все будет. — Славутич поглаживал волосы Аскольда, уложенного на мягкую перину. — Такой воин нам нужен. Один супротив всех... Это же какую смелость иметь надо?!

– Поставлю, боярин, будь уверен. Кроушки много пролил, верно. Но, главная жила цела. А от нее и возврат здоровья пойдет. Он еще помашет мечом своим. – Заверял Сухач, вливая ложкой в рот Аскольду какую-то тягучую и пахучую смесь. – Сейчас раны снадобьями обложу. Не заметишь, как и зарубцуются. Силен дух его. К жизни тянется. Мое дело, только подсобить. А невеста его, гляжу, твоей Лучинке больно приглянулась? Все возле себя держит да беседы ведет.

– Их дело – бабье. Ты мне воина на ноги поставь.

– Думаю, изменится что-то в доме твоём...

– Это тебе петух на заре прокукарекал?

– Нет. Иные подсказчики у меня есть. Тебе-то известно.

От тебя не таюсь, что не знахарством единым в жизни промышляю. Потому и осел возле тебя, что угодно так советчикам моим. Служить тебе поставлен.

– Мне твои подсказчики не ведомы.

– Может и славно то. – Загадочно пробурчал себе под нос Сухач. – Потому-то и я здесь теперь.

– О чем это ты?

– Приговор чиню, для усиления действия снадобий. – Соврал Сухач. – Нельзя без того.

В спальню вошла Лучинка, проталкивая вперед смущенную зеленоглазую гостью.

– Позвольте и нам с Миланой на жениха ее глянуть. – Обратилась Лучинка к супругу.

– Чего глядеть-то? – Вмешался Сухачь. – Дух его еще

не совсем в теле окреп. Завтра и пообщаетесь. Сейчас покой и мой пригляд только и нужны ему.

– Вишь, как Сухач положил? Не могу перечить. Он в этом деле старшой. – Улыбаясь, боярин подхватил обеих посетителей под руки и увлек за собой из спальни.

Получил свое прозвище вождь племени лесичей, что любил побаловать себя зимней встречей с поднятым из берлоги медведем. Шел на встречу такую всегда только с ножом и рогатиной в руках. Да брата брал с собой, чтобы шкуру помог снять с убитого зверя. Боле – никого.

Слава не только воина отважного, но и охотника смелого и бесстрашного была нужна Рыжему Медведю, чтобы держать народ свой в жестком повиновении.

– Давай, побратимушка названный, просыпайся, милоч! – Кричал Рыжий Медведь, тыча рогатиной в проем берлоги, которую еще с осени наметил для очередной встречи с медведем.

Ольх в опасливой настороженности топтался на краю поляны, держа в руках то же оружие, что было и у брата. Брат меч Медведь запретил. Недоверие у народа вызовет рассказ об охоте с ножом.

Оторванная от теплого пребывания в мире своих снов, бурая громадина вырвалась наружу и закрепилась на задних лапах, злобно рыча и размахивая передними лапами, вооруженными длинными и острыми когтями. Рыжий Медведь

еще более раззадорил свирепого зверюгу, ударив его в грудь рогатиной. Зверюга ступил вперед. Тогда Рыжий Медведь упер рукоять рогаины в землю, а сам с ножом в руке метнулся в просвет между машущими лапами. В руке его блеснул нож и погрузился в мех противника. Только удар не получился. Толи рукоять рогаины потеряла опору, толи Рыжий Медведь, увлеченный поединком, недостаточно верно определил место опоры, но зверюга не завис на рогаине, давая свободу охотнику нанести должный удар. Он завалился вперед, подминая под себя и не устоявшую рогаину, и ее владельца. Дальше все происходило мгновенно. Когти зверя сорвали с охотника шапку вместе с волосами на голове и кожей лица, а зубы впились в оголенную шею, с сухим треском разламывая позвонки. Ольх набросился на вершившего кровавое похмелье зверюгу и нанес ему несколько смертельных ударов ножом. Тот даже на секунду не оторвался от своего занятия и затих, вонзив зубы в окровавленное плечо бездыханного противника.

На прощание с погибшим дядей приехала и Милана. Горе прощает обиды.

– Теперь ничто не разлучит нас тобой! – Заверял отец, прижимая любимую дочь к груди. – Можешь и Аскольда своего назад кликать. Предо мной у него вины нет. Пусть возвращается.

– Нет, отец. Аскольд не вернется. Боярин Славутич нарек его сыном своим и о том народу своему объявил. Полюбились они друг другу. Один родовит, но наследников боги не дали. Другой безроден, но славой воинской обличен. Поставил боярин его старшим над воинством своим. Да и в иных делах первым помощником сделал.

– Жаль... Только, так тому и быть. Не в наших силах решения такие менять. Ты-то по-прежнему в невестах у него, или как?

– Согласия твоего ждем. Боярин заявил, что свадьбу справим, когда отцы согласие дадут и по рукам по такому случаю ударят.

– Верно чтит обычаи Славутич. Мое ему за то уважение. Что ж. Извести соседа, через провожатых своих, что он с тобой в путь снарядил, рад буду встрече с ним и зятем будущим.

Дочь бросилась отцу на шею.

– Ты всегда был справедлив, отец. Оттого и люблю тебя за двоих. Жаль, что матушка до радости моей не дожила.

Гости не заставили себя ждать. Взаимное согласие старших на счастье молодых завершилось большим пиром. На третий день обоз двинул в обратную сторону, увеличившись вдвое ответным визитом гостей со стороны невесты. На том и завершался свадебный обряд, после которого молодые получали право разделить общее ложе.

Хотя и хлопотны дела свадебные, Славутич с Ольхом

не забывали поговорить и о положении дел, важных для обоих племен.

– Сосед-то мой стерпит ли потерю выгоды своей с уходом в мир подземный брата моего? – Интересовался соображениями Славутича растревоженный мыслями Ольх. – Моих-то обещаний ему нет. А слюна с его хищного рта, поди, капает. Потихоньку, через родство свое и род весь к рукам прибрал бы. Иные соседи и не воспротивились бы тому. Дело семейное. А тут вона как все повернуло...

– Верно ты говоришь, сватушка. Только, думаю, не рискнет он сразу на тебя разор нести. Мы с тобой тоже ныне родня. Через детей своих. Твои заботы и меня не обойдут. Всяк скумекает. И сосед твой тоже. Поначалу уверовать должен, что никто иной на помощь к нам не придет. Много зла вокруг себя вырастил. Это лето переживем. А там уже...

– Мы тоже штаны все лето протирать за бражными делами не будем. – Продолжил Ольх. – С соседями пообщаемся, потолкуем наперед. Заодно и воев своих на дела ратные подготовим. Если к худшему обернется. Так я думаю. Вместе что-то еще надумаем и свершим. Держаться друг друга будем.

На том и порешили.

Зимой в покоях Славутичевых уже звенели крики двух младенцев-близнецов, Милорада и Родмира. Все в доме было подчинено одному стремлению, хоть чем-то быть полез-

ными младенцам и их родителям. Долго не находившее своего выхода наружу, сидевшее в душах боярина и жены его жаркое желание любить крошечных продолжателей дел своих, выплеснулось теперь наружу бурной рекой. Давно уже не видела Лучинка столько счастья в глазах любимого мужчины. Сама тоже никак с облаков своих чувств на землю прыгнуть не могла.

А уж о счастливых родителях и слов не хватит все рассказывать.

Однако, за радостями и о делах не забывали. На поляне между рвом и перелеском осваивали приемы боя конного и пешего мужики, коим могли предстоять дела ратные, кому в обороне, а кому и в походах. До изнеможения гоняли их старшие воины под присмотром Аскольда.

– Враг ждать не станет, когда мы отдохнем. Он на нашей слабости нас и переломит. – Строго предупреждал молодой воевода, когда старшие просили уменьшить нагрузку на неопытных мужиков. – А мы уже привычны к тяготам. Он устает, а у нас сила не иссякла. На чьей стороне перевес получится? Вот про то и помните всегда, когда с устатку колени подгибаются. Привыкнут!

К середине лета стало понятно, что миром оно закончится. От врага ожидаемого купцы с товарами заезжать стали. Ранее такое не водилось. К себе люд торговый от Славутича без разору пускал. Мздой тяжкой не облагал. Чувствовалось, что осторожничают пока. Славутич же с Ольхом на большом

сходе родов своих по рукам били, клянясь в вечной дружбе.

— Внукам нашим, после нас, вас за собой вести и суд правый чинить! Для обоих родов наших они родные. Можем ли при таких делах уособно жить и один от другого отворачиваться? — Спрашивал Славутич у собравшихся на сход жителей городища, держа на руках близнецов. — Я дед их! Ольх, таков! Какие клятвы нас крепче свяжут, чем эти крохи? Едины будем, как в радостях, так и в горестях!

Довольный народ гулом одобрений ответил на решение такое.

Племя древоземцев своих послов заслало.

— Еще прадеды наши добрыми соседями были! — Кричал в толпу посол слово вождя своего. — После них промеж отцов и дедов наших тоже дружба была! Быть меж нас только миру и согласию! То и детям нашим блюсти повелим! А дети наши, своим пусть о том же напутствуют!

И это соглашение всеми тремя народами одобрено было.

Теперь уже, не всякий в одиночку на союз тот скалиться мог. Больно могучим, он чувствовать себя должен был.

Так случилось, что несколько лет миром земли простояли.

Глава 3. Грустные думы

Родмир пинком отворил дверь из сеней на крыльцо. Дохнул полной грудью прохладного ночного воздуха, сдобренного запахами разнотравья, словно зелья целебного выпил. Думы тяжело давили на голову, не давая отдаться полуночному сну.

– Эх, Милорад! Братец дорогой! Отчего рассудок теряешь?! Был бы жив отец... Давно намял бы нам бока. Тяжела рука у отца нашего была! Жалел нас неразумных. Ласкал больше. А надо было иногда и кнутом по спинам прогуляться, чтобы заветы родителя в тело и душу ввелись и сели там прочно. Землю делим, что деды наши, и отец с ними, грудью заслоняли и по кусочкам малым собирали. Эх! – Родмир сел на крыльцо и с надеждой глянул в небеса, ожидая хот каких-то знамений, обещанных Сухачем. Сквозь чернеющие облака смутно просвечивал диск нависшей луны. Звезд не было вовсе.

Позади скрипнула дощечка. Родмир понял, что Сухачу тоже не спится, не стал оборачиваться. За много лет научился различать верного друга рода Славутичева. Всех пережил! Совсем сух стал, а все суетится. Сколько лет уж ему? Не припомнилось.

Резко повернул голову:

– Чего тебе-то нет спится?!

– Прости, сынок! – Называть так своего боярина Сухач начал еще с тех пор, когда, взявши за руки мальцов, водил их по разным местечкам, поясняя что и отчего тут происходит. Почему вода бежит вниз. Почему огонь норовит вверх. Почему ветер и дождь. Отчего птицы летают, а человек эту науку, от богов ранее полученную, утратил в делах своих суетных, земных. Сам стал, словно червь земной. Навсегда, поди, небо потерял.

– Ладно, уж, говори думки свои. Зазря не стал бы от мыслей отвлекать. Знаю. – Тихо произнес Родмир.

– Знамения ждешь? Добрые знаки до полуночи вершатся. Теперь время сил черных, да и нежитей разных. Пойдем в дом. Поспи. Тяжкая ночь выпала. Верю. – И Сухач, ухватив Родмира за руку, попытался увлечь молодого боярина внутрь их временного жилища.

– Оставь меня, Сухач. Один побуду.

– Может лучше в избу?

– Сказал, иди. – И Родмир отвернулся от собеседника, упершись поросшим русой бородкой лицом в сложенные вместе ладони рук, локти которых были уперты в колени. – Один быть хочу...

Не сдержался от похода вождь алымцев, племени дикого, прикочевавшего когда-то кровавыми тропами. Ранее мелкими набегами баловал. Щипал соседей при всяком удобном

случае. Знал, что большим боем те на него пойти не отважатся. Не стало преградой и родство его через жену с Ольхом-воеводой. Собрав всю свою силу, волчьей стаей нагрянули на земли его. Жгли и убивали, оставляя за собой запеченную на тлеющих углях кровь защитников жилищ. Вышли к крепости, которую успел усилить Ольх новым рядом бревен. Обложили со всех сторон.

Но не знал враг коварный, что ждали его подвоха. Уже неслись гонцы к Слаутичу. Уже снарядил он Аскольда вести войска свои и примкнувших дрогвичей на помощь родичу.

Решил кровожадный алымец, наскоком крепость смять. Не получилось. Оборонявшиеся стрелы метали без промаху. Ловушек наделали скрытных. Много людей положил на приступе. А защитникам крепости только легкий урон учинил.

– Ничего! – Уверенно говорил он своим сотникам. – В осаде подержим. Сами миру запросят. Тогда голыми руками возьмем. А пока в округе погуляйте. Пусть люди и кони разминаются.

Часть воинства несколькими группами умчалась чинить разор всем поселениям, что на пути окажутся.

Прозевал алымец, приход сил Аскольда. Дар речи даже потерял от неожиданности, когда обнаружил их за спиной войска своего, выстроившиеся вдоль леса. Понял о промашке своей. С главными силами зажат он между стенами крепости и мощью вновь прибывших дружин. А те его воины, которых увели в набеги сотники, возвращаясь разрозненно,

легкой добычей станут. Послал послов на переговоры. Обещал бесспорный уход своих сил, да и дары богатые. Ни с чем послы вернулись. Быть сече! Так решил воевода молодой...

Развернул алымец основную силу против прибывших, а оставшимся крепость отслеживать повелел, вылазки любые пресекать. Сам первым на врага пошел. Полный день, до заката самого, рубились воины с обеих сторон. Не смог алымец пробиться за спину врагу, да и рассеяться, чтобы потом отплатить за поражение свое, собрав новый поход. Уже и тех, кто дозор за крепостью вел, в бой бросил. Только бы пробиться! И снова неудача. Из отворенных крепостных ворот ударила в спину свежая сила. Не махали они мечами целый день. Как могли противостоять им зажатые с двух сторон, обильно политые кровью и потом алымцы? Начали метаться, ища спасения. А куда тут убежишь, когда противник в кольцо взял? Понял вождь, что проиграл он сражение. Потерял навсегда мощь войска своего. Решил отомстить за то воеводе молодому, белый конь которого носился из конца в конец, доставляя всадника в нужные ему места.

— Ко мне, защитники мои! — Подозвал алымец к себе остаток сотни своих телохранителей. — Плотнее ряды! Видите того всадника на белом коне?! К нему пробиваться будем. В поединке с ним встретиться хочу. Хоть чем-то душу пораду. Передайте мое повеление: никому в него стрел не метать! Мой он!

И пробился таки.

– Решим поединком, воевода! – Прокричал он Аскольду. – Меня побьешь – мои люди оружие сложат и на милость твою положатся! Я тебя побью – воины твои отпустят остатки дружины моей! Я им пленником буду! В том уже победа твоя обозначится!

Хитрил, старый волк, хотел хоть какие-то силы сохранить.

– В поединке сойтись готов! – Ответил Аскольд. – Не дело витязя от вызова уклоняться! Поединок одного из нас жизни лишит и славы, и ничего боле. В том для победителя уже достойная участь. Потомки о том помнить будут! Слава надолго сохранится!

– Согласен! Только, если побьешь меня, останови сечу! Мои воины оружие сложат! Земля к твоим вождям отойдет. Кто-то же должен на ней работать, чтобы пользу приносить! Слышали все? Быть тому!

Стих бой. Замерли воины с обеих сторон. Сколько жизней мог спасти этот поединок!

Рубились оба богатыря славно. Слишком большой приз поставлен. Слава! Это – не горсть золотых монет. Не россыпь самоцветов, которые купить можно. Это – гордость потомков, которую никакой ценой не оценишь.

Так случилось, что оба, враз, с коней свалились после страшных ударов мечами. В поле, на котором тысячи людей громыхали до того ударами железными, затихло так, что случайно пролетавший шмель заставил вздрогнуть от неожиданности старого воина, выдавшего на своем веку всякое,

следившего за поединком.

Громкий вздох облегчения одновременно сорвался со всех уст воинов Аскольда, когда их воевода натужно выпрямился на ногах во весь свой рост, вознеся над головой смоченный кровью врага меч.

– Слава Аскольду! – Взревел воинский люд.

– Слава Аскольду! – Донесся со стен крепости возглас стоявших там женщин и детей.

– Слава Аскольду! – Опустился на колени перед воеводой сотник телохранителей, протягивая ему на ладонях меч поверженного вождя. – Прими. Он по праву твой, воевода. А также, по воле господина нашего, прими от народа нашего признание твоей победы. Теперь ты наш господин! Все слышали?! Так было велено вам! Сложите оружие! Передаем себя на милость победителя! Коли, дозволит такое, то дадим ему здесь же клятву в верности! Пусть тогда сам решает, быть ли нам оружными!

– Клянемся в верности! – Кричали поверженные алымцы, падая на колени и укладывая перед собой на землю луки и мечи. – Будь милостив, новый господин!

– Чего уж! Какие обиды? – Ольх горячо обнимал зятя. – Ты – победитель. Тебе клятва дана. Садись на правление. Для нас со Славутичем от того радость одна. Так я думаю, боярин?

– Иначе как? Иначе просто быть не должно. Сам люд под

тебя стал. Правь! Мальчишек только пока не увози. Прикипел я к ним. Да и Лучинка не хуже Миланы за ними приглядит. Будут к вам с дедом Ольхом в гости наезжать за подарками...

А время спустя, деды совсем учудили. На совете семейном так положили:

– Стары мы уж стали! Покой нужен. Потому так сделаем: над тремя народами и землями князь сядет. Чтобы одной рукой все править. Как это у соседей наших издавна ведется. Стольный град отстроишь на земле новой, тебя избравшей. А наши с Ольхом земли в уделы лягут. Мой удел старшему внуку отдадим. Ольха удел – Милораду. Поскольку малы еще, мы при них побудем. Поучим уму-разуму. Так-то лучше будет.

С той поры и возникло княжество польников. По имени рода Славутичева. Он отец князя новоиспеченного.

В суете да в заботах навалившихся, не заметил никто, что перестал попадать на глаза людям старый Салам. Словно растаял в воздухе. До него ли было? А тут одного из внуков, в гости наехавших, хворь сильная донимать стала. Уменье лекарское жены и баб дворовых облегченья не дало. Тогда-то и послал Ольх за Саламом. Самому ранее раны лечил всякие. Только, не стало в городе колдуна старого. Пропал. А Милорад уже в горячке окоlesiцу всякую бормочет. Де-

да с бабкой признавать перестал. Да и ослаб так, что руки поднять не мог. Послали к Аскольду за Сухачем. Тот теперь при князе новом все боле толкался. Все боится князя из глаз выпустить. Отчего так?

– Эх! Незадача! Куда боги этого чужеземца подевали? – Ольх, не мог сдержать слезу, непослушно вылезшую из-под сомкнутых век.

– Ваши боги мне не указ. – Немного ломая язык, произнес рядом знакомый с детства голос.

Ольх открыл глаза и обомлел. Как ни в чем не бывало, скрестив на груди сухонькие ручки в широких рукавах красной рубахи, перед ним стоял Салам.

Хитрая улыбка играла на губах старика.

– Понадобился тебе? Чего же ранее не искал? Меня вместе с братом похоронил?

– Не до того было. – Отмахнулся Ольх. – Ныне ты вовремя объявился. Поможешь внуку?

– Внуку помогу. Когда боль уйдет, при нем останусь. Я еще могу послужить! Пользу принести молодой поросли твоей.

– Там видно будет.

– Нет, боярин-воевода, ныне слово дай. Иначе уйду туда, откуда теперь явился.

– Ладно уж. Брат тобой очень доволен был. Отчего так к тебе привязался, мне не сказывал. Видно, и впрямь пользу имел. – Согласился Ольх.

– Слово дал, боярин-воевода! Помни то! А теперь, оставь меня тут наедине с мальчишкой. Пусть никто не войдет, пока сам кликать не стану!

– Быть по-твоему. – Согласился Ольх, выходя из спальни и прикрывая за собой дверь. Воина подозвал. – Стой здесь. Никого не пускай, пока старик сам не позовет.

Только воротясь в свою горенку, очнулся:

– Откуда это чудило свалилось?! – Кликнул стражника. – Входил ли кто в дом?!

– Никого не было, господин! – Ответствовал воин, стоявший у крыльца.

– Одним словом – колдун. – Равнодушно произнес Ольх и занялся своими делами.

– Ты мне коней порезвее снаряди, сынок. – Сухач взволнованно глядел на Аскольда. – Хворь твоего сына ломит. Мне там скоро быть надобно. Кабы к нему еще одна не навязалась. Двуногая. Да кто меня тронуть вздумает? А с воинами твоими суета одна. Сам поскачу! Весточку сразу же ответную передам. Твое дело народом править. Мое – здоровье поправлять. Давай, каждый своим займется. Ну, пока!

Из трех взятых под седло коней один пал в пути. Два же добежали до града на последнем дыхании, покрытые мокрой пеной. Отпихнув воина, пытавшего стать на пути, Сухач влетел в спаленку. Там сидящему в подушках Милораду, спавшему из большой деревянной ложки какой-то отвар, важно

восседавший рядом, Салам.

– Опоздал! – Горестно вырвалось у Сухача.

– А зачем спешил? – Язвительно спросил Салам. – Знал же, что опережу?

– Знал... Да надеялся обогнать!

– Обогнал? – Салам злорадно захохотал. – Хоть одного княжича под себя возьму.

– Коли позволят тебе. Нет нашей силы там, где не захотел ее кто-то. – Сурово заявил Сухач.

– Уже захотели. Ольх повелел быть при нем всегда! – Гордо заявил Салам. – Говорю же: опоздал.

– Что же наделал, добряк Ольх? Кому внука поручил!

– Надежному человеку. С моими чарами он великим вождем станет. Большим князем. Великим! Мы с ним много земель прибавим. Обойдем твоего Родомира! Один у тебя подопечный теперь. На него свои силы тратить. Да береги от того, чтобы пути братьев не пересеклись. На остальное у тебя силенок не хватит. Мой хозяин посильнее твоих будет. Твои все в облаках витают. А мой, изнутри земли все корни в руках держит. Он поближе будет.

– Поглядим еще! – Сухач выхватил из-за пазухи какой-то амулет и сунул его к лицу колдуна, нашептывая что-то неслышно.

Лицо Самала исказила судорога, глаза начали обесцвечиваться, но у него хватило сил выкрикнуть:

– Зовите воеводу!

В тот же миг дверь распахнулась. На пороге, в сопровождении жены, появился Ольх. Пред ним предстал Сухач, тычущий чем-то в побледневшее лицо Самала, и напуганный происходящим внук, прижавшийся к колдуну.

– Ты чего вытворяешь, Сухач?! Как в моем доме незваным оказался?!

– Спасибо еще скажешь за то! – Возмутился Сухач. – Тут такое затевается...

– Врет он все, воевода-боярин! – Злобно закричал Салам. – Оpozдал ко времени. Увидел, что я внука твоего к жизни воротил и от зависти драку со мной учинить хотел. Во всем первенство держать хочет! Гони его, воевода-боярин взад, откуда явился. Без него тутa все наладим. Пусть князя оберегает лучше. – И потом гордо Сухачу. – Может и там тебя подменить? Ослабли, видать чары твои. Выдохся весь.

– Не спеши победу праздновать, гадкий колдун! Мы еще потягаемся! А ты, Ольх, страшную свободу дал ему. Сам его под оберег подвел. Жалеть все будем. Потом... Вернул бы я его туда, откуда вновь выполз.

– Это ты о чем? – Явно не понимая сути, спросил Ольх.

– О нашем с ним, воевода. Прощай уж теперь, коли надобности во мне нет! Повели коней свежих дать. Княжых я загнал.

Стукнуло братьям по четырнадцати лет. Настала пора сажать на боярство, как того их деды хотели. Собрал в столь-

ный град Дубров князь Аскольд всех военачальников. Объявил.

– Будут теперь молодые бояре в землях наших!

– Быть тому! Быть! – Поддержали мужи.

– И славно! – Продолжал Аскольд. – Пусть деды их под клятву и подведут!

Оба парня поклялись в верности отцу своему и князю за себя и за весь народ свой.

– Теперь друг другу в дружбе вечной клянитесь! – Потребовал Аскольд. – Да мечами обменяйтесь, как того устав земли нашей требует!

Тут и произошла заминка. Родмир точно в руку брату вложил рукоять своего меча. А вот Милорад, сплосал. Выронил оружие боевое из рук. Хорошо Родмир на лету подхватил, на землю упасть не дал. Когда бы такое, клятву никто в зачет не взял бы.

Вздыхнул сидевший тут же Сухач:

– Не смог я полностью оберечь тебя сегодня, сынок! Хоть малая промашка, но Саламу в подмогу.

А Аскольд сделал вид, что не увидел заминки и объявил:

– Дали клятву бояре! Принимаю ее!

– Быть тому! – Поддержали мужи.

– Вроде бы все! Пора за пир браться! – Весело объявил Аскольд. – Пусть бояре молодые впервой с нами сядут!

Но встал из-за стола вождь дрогвичей.

– Дозволь, великий князь, слово молвить! – От неожидан-

ности все затихли. Как решился после князя говорить?! – Не вини за задержку. Думал долго. Теперь додумался. Бери князь и меня с народом моим под клятву удельную. Сошьемся мы с княжеством твоим! На то и от старейшин добро имею!

– Что скажете, гости дорогие?! Дать согласие дрогвичам?!

– Во благо то! К радости! Согласны! – Поддержал совет мужей почетных.

– Быть по сему! – Возвестил обрадованный происходящим Аскольд.

– Первый боярин удельный земли дрогвичей, Велояр, отныне тоже за столом моим соседом!

Глава 4. Братья

Два года просидел на боярстве Милорад, когда свершил свой первый дерзкий и обидный для соседа поступок. Влюбился Милорад, а может, ему так и показалось, в младшую сестренку князя Велояра, Беянку. И вознамерился жениться на ней. Хотя уведомил его Велояр, что сестра сыном его воеводы и дядьки по матери просватана. С ребячества еще просватана и сговор родительский состоялся без участия юного тогда Велояра меж родителями их.

– Зашлю сватов! – Заверил Велояра, гостивший у него по случаю большой охоты молодой боярин Милорад. – Неужто, боярину и брату князя ради кого-то откажешь? Кто он таков?

Снесся осторожный Велояр через посланников своих с Аскольдом.

– Поступай, как того уклад земли твоей требует! – Был ответ от князя, принесенный в устах посланцев. – Не мне решать дела твои семейные. А Милорада я попридержу.

Сдержал слово князь. Не воспрепятствовал воле Велояра. Гостем на свадьбе быть обещался. Вот тут-то и случилось... Гуляла Беянка с девками в лесочке, когда напали на них воины незнакомые. Девочек от дочери оттеснили, а Беянку сгреб в охапку их предводитель и умчались они на конях, пустив за собой пыль по ветру. Бросились вслед всад-

ники из крепости, кто успел на коня вскочить. Догнали. Готовы уже были отбить пленницу, когда навстречу из-за кустов большой отряд выехал. Узнали преследователи среди них колдуна Салама. О чем и доложили боярину своему, воярясь. Возмущенный отец жениха требовал снарядить большую дружину и выступить походом на обидчика. Оскорбленное воинство в большинстве своем поддерживало своего любимого воеводу.

– Сам все разрешу! – Заверил, останавливая их, Велояр. – Еду ко двору князя. Пусть рассудит.

Призвал Аскольд сына. Заставил перед Велояром прощения его выпрашивать. А тут еще наехавший Родмир.

– Страшный поступок совершил, брат! Единство княжества отцовского порушить хочешь? Моли Велояра о согласии отдать сестру тебе. Коли уговоришь, то всех нас от позора страшного и беды большой убережешь. В том берусь тебе помочь. Не сумеешь, моей поддержки не ищи! Вернешь пленницу с извинениями и подарками жениху обиженному, чтобы мир внутри княжества великого и далее был.

– Виниться?! Ты в своем уме, брат?! Такой помощи твоей никогда не забуду.

– Виниться перед Велояром надобно, а он твои слова уже дальше донесет, чтобы народ свой обиженный успокоить...

Обида на брата горько отравой осела где-то внутри груди и затаилась. На празднования в стольный град Велояра Милорад не прибыл. Больным сказался.

— И хорошо, что так. — Уверил Велояра дядя-воевода. — Всяко могло тут обернуться при его характере. Мы-то зла не помнить обещали. Обещание свое верно блюсти будем. А он?

Случилось так, что хоть и были братья близнецами, но ни внешним видом, ни характерами особого сходства не имели. В народе таких двойняшками кличут. Родмир был рожден первым. Когда бабка-повитуха хлопотала с ним, чтобы матери показать, вторые роды состоялись. Еще один мужичок роду Аскольда подарен богами был. Милорадом обозвали. Мило сердцам родителей явление его на свет было.

Пока в детские игры да затеи играли, разность особая не замечалась. В малолетстве только мать их различие примечать стала. Старший не криклив от роду был, сидит себе в тиши да все, что под руками, с интересом разглядывает. Часами мог в тиши сидеть. Младший же криклив был. Сколько бессонных ночей с ним провела Милана! И не счесть! Поручала старшего сына нянькам от шума уберегать, чтобы спал в спокойствии. А сама с младшим люлюкалась да нянькалась. Отец не очень-то часто дома бывал. Обустраивал порядок в народе, что нечаянно его стал. Хлопотное это дело. Много сил отнимало.

Когда подросли мальцы, тогда и различие их наружу поперло. Родмир все боле к Сухачу лип. Все из него знания разные тянул. А Милорад, тот боле с дворовыми хулиганить лю-

бил. То сожжет что-то, то ломает. А вину все на ватажников своих валит. Потом глядит с крыльца, как тем зады чешут, да ухмыляется довольно. Пожаловалась Милана на проделки его отцу. Тот отмахнулся.

– Какие дети без шалости? – Удивился ее жалобам Аскольд.

– Шалость шалости рознится. Уж больно злобные у него затеи. Ты поговорил бы с ним.

– Миланушка, любя моя, боле дел у меня нет, как с недорослями воевать? Сама тут разберись уж. – Ласково отговаривался Аскольд, целуя любимую жену.

– Иное дело, когда отец строго спросит.

– За меня спроси.

В короткие часы общения баловал Аскольд сыновей своих. Позволял верхом на себе ездить. Может все отцы так? Только Милане казалось, что строгости мало в нем? А когда стал воевода их к ратному делу приучать, тут характеры вовсе оголяться стали. Родмир, могучий как молодой дубок, с головой в военную науку. Так, бывало, за день намается, что за ужином уже за столом засыпать начинал. А Милорад, тот все хитрить старался. То колено зашибет и к матери под защиту, чтобы не напрягали его упражнениями воинскими. То хворь какую изобразит так, что не всяк скоморох сумеет. То упрячется где на весь день. Вся дворня тогда в поисках его суетится. Этот все боле к Саламу лип. Всякий раз, как свободен был, к тому бежал. Что ему там старый колдун на-

говаривал, никому не ведомо. А сам ничего не сказывал. Все улыбался загадочно.

Однажды напугал у реки девок, во время купанья их. Прятал одежонку, да и завыл из кустов, волку подражая. Выскочили девки из воды, а одежонки нет. Визг, писк! Пожаловались родичи князю на проделки княжича. Тот и призвал сынов, спросить, кто такое сотворил. Милорад первым и выложил:

– Не я это, отец. Братан хулиганил. К нему спрос. Точно про то знаю!

Промолчал Родмир. Не вступил в перепалку. Жаль стало братишку. Хлипок тот был. Уже и в росте стал отставать. Нахлобучку отцову вместе с горьким комом, что в горле стал, проглотил. В сенях только братишке высказал:

– Не хорошо так, Милорадушка. Зачем меня за себя подставил?

– А коль бы отец не совладал с собой и выдал в зашей? Ты-то поздоровей будешь!

– Врать нельзя. О том речь веду.

– Воевода как говорит? Одной силой бой не решишь! Смекалка и уловка хитрая нужны тут. Вот его науку и применил. Помогло. Знать, не напраслину возводил. Сам убедился. – И весело рассмеявшись, как ни в чем не бывало, убежал Милорад к забавам своим.

Большое зло затаил на своего брата Милорад, когда того

отец с собой стал брать на объезды земель княжества своего.

– Ты старшой, Родмир. Тебе меня на столе менять. Поэтому смолоду пример бери, что да как. Милораду на удел садиться. Ему дед подсказчик на месте будет. А ты уже привыкай к скитаниям по родной земле, чтобы знать чем все народы, под руку твою ставшие, живут и здравствуют. Да и они когда ратные дела затеются, знать должны, за кем на сечу вышли.

– Может, отец, и мне с вами проехаться? – Завистливо настаивал Милорад, представляя, то почтение, с каким будет встречать брата народ. – Лишняя наука не повредит.

– Мать говорила, болезный ты. Хворь частая на тебя находит. Не будем ранить сердце материнское затеей такой. Укрепишься в здоровье, тогда.

– Ты не горюй, княжич. – Почтительно склонялся перед ним Салам. – Твое время придет! Должно придти, коли верно мы с тобой принимать все будем. Всеу свое время... Ты обещал старому Саламу дружбу его помнить и делам его не перечить никогда?

– Обещал.

– Так держи слово и жди!

Ушел старый Ольх в мир, где ждали его родичи, распростившиеся в разные времена с солнцем красным. Подвела его страсть охотничья, от брата перенятая. Решил по осени свежей кабанинкой побаловаться. Из собственной добычи.

Вместе со внуком, Милорадом, и выехал на охоту. Загонщики хорошо поработали. Выгнали на деда со внуком громадного секача. Стрела дедова вмиг в его боку, ближе к изголовью свое место нашла.

– Чего ждешь! – Крикнул Ольх внуку. – Пускай стрелу!

Но, дольше нужного провозился Милорад со стрелой. Не успел пустить в полет, как раненый зверь бросился под ноги его коня, отчего испуганное животное шарахнулось в сторону, остушилось и завалилось на бок, придавив ногу незадачливому всаднику. Развернулся секач, второй раз на обидчика броситься хотел, но препятствием грозным стал перед ним Ольх с обнаженным мечом в руке. Вонзил холодный металл страшному зверю в бок. Рядом со стрелой застрявшей. Да, видно, не та уж сила в руке была, коей ранее владел. Не завалил зверя. На ногах не удержался.. Зверь же тем временем на него развернул все свое мощное, кипящее злостью тело и, выставив клыки, готовился к броску.

– Пускай же стрелу! Иль мечом подмогни! – Крикнул раненый Ольх внуку.

Только, дрожавшие руки выбравшегося из-под коня Милорада не могли справиться с луком. А зверюга мчал уже вперед всем своим мощным телом. Милорад в страхе бросился в кусты, словно те могли защитить его. В это время тяжкий стон донесся ему во след. Он оглянулся и увидел, что зверь лежит недвижим, навалившись на распростертое тело Ольха. Милорад осторожно подошел к месту последней

схватки двух богатырей. Никто из них не подал признаков жизни. Тогда он пустил из лука стрелу, которая вошла в зверя рядом с полученными ранее ранами.

– Сюда! Сюда! – Закричал Милорад загонщикам.

Выбежавшие из-за деревьев люди увидели, как внук пытается извлечь из-под туши зверя окровавленное тело деда. Сам Милорад был довольно обильно измазан кровью.

– Жив, княжич!? – Радостно обступил его загонщики. – А воевода?

– Ему уже не поможешь... – Делано слезливым голосом сообщил Милорад, отирая с глаз невидимую слезу. – Упреждал, не лезь на рожон. Без того уже свою стрелу в зверя всадил. Только горе принес... Чего мечом махать было? На издохе он деда... Груда большая разогналась. Не остановиться было...

Когда извлекли тело Ольга, на левом боку его глубокой, кровавой бороздой зияла рана.

– Успел зверюга клыком пропороть грудину. – Горестно определил кто-то из загонщиков. – Потом тушей своей додавил... А стрела твоя, княжич, точно в сердце пришлась. Без того не жилец уж был. Меч и не надобился. Видать, воля богов такова.

– Принимай удел! – Кратко бросил сыну Аскольд, когда Милорад подошел к нему выразить свое сочувствие. – Заmeshкал, видать, со стрелой. Иначе бы дед не спешился. Жаль

старика. Очень добр был, хотя силой от брата не отличался. Не виню тебя. После боя промахи виднее...

– Может, Родмира посадишь? Он – старшой среди нас. Его первого ... – Заотказывался Милорад, делая вид, что уступить брату очень желает. Хотя душа пела. Утер нос старшому. А там, как говаривает Салам, видно будет, кто князь.

– Его черед подойдет. Деда ваши установили. И не нам менять этот устой. А потом, княжение его ждет. Это уж после меня, если ранее место ему не передам. С матерью на княжении будет.

– Первый шаг сделан! – Радостно приветствовал Салам новоиспеченного боярина. – Ты доволен? Будешь и князем! Многое успеешь, коли послушен к нашим планам будешь. Да прилежен в их исполнении.

Когда же Милорад отпустил его со двора, сославшись на усталость дорожную, Салам птицей полетел в свою избу.

– Через тебя, Рыжий Медведь, власть над землями не взял, теперь возьму. Больно своеволен ты был. Потому и осилили меня боги твои. Упреждал ведь, не его день для охоты был. Нет! Все сам решать хотел. Забыл, кто его к господству над народом привел и силой огромной одарил!

Глава 5. Так начиналось

По пыльной тропе, еле видной на зажаренной в корку степной земле брели трое. Впереди шла женщина с каким-то скарбом в закинутах за плечи узле. Позади, взявшись за руки и держа над собой материн платок, устало плелись мальчишки-погодки лет двенадцати, тринадцати отроду. Голая степь, выжженная палящим солнцем, и забивающая дыхание мелкой пылью, не предлагала глазу никакого укрытия. В сосуде, выдолбленном из стволика липы, воды оставалось на два-три глотка. Что будет после того, как и эти глотки иссякнут? Долгий летний день только-только подошел к своей половине. Ни кустика, ни пучка травы высокой! Только пожухлые остатки сухостоя. Еще этот, обжигающий глаза и губы, ветер.

– Пить хочу! – Захныкал младший из мальчишек. Пить!

– Потерпи, родной. – Стала уговаривать его мать. – Долго еще идти, или нет, не знаю. Обманул нас караванщик. Высадил прежде времени. Теперь попробуй, догони его. Полдня уж прошли. Воду и еду решил сэкономить. Теперь жаримся, как в печи у Яшура. Дали бы боги спасение!

– Кто тут помянул имя Господина моего? – Перед путниками возник ниоткуда, старик в яркой красной рубахе со странным колпаком на голове. – В помощи нуждаетесь? Готов!

Незнакомец довольно расхохотался, глядя на оторопевших от неожиданности путников.

– Чего желаешь, женщина?! – Уставился глаза в глаза напуганной матери. – Говори! Все исполню!

– В караван бы нам вернуться... – Недоверчиво попросила женщина.

– Чтобы караван нашим стал, а караванщика вместо нас в степь отправить без воды! – Вдруг вмешался в разговор старший мальчишка.

– Ты умеешь мстить! – Довольно отметил незнакомец, поглаживая мальчика по головке. – Я исполню твое желание. Только ты пообещай мне, что я буду твоим главным учителем. И никто другой!

– Если ты сделаешь, как он сказал, незнакомец... – Начала женщина.

– Салам. Меня зовут Салам. – Перебил он ее. – Я сделаю все. Но получу то, что попросил. Верность твоего старшего сына.

– Я не о том хотела сказать! – Воскликнула женщина.

Но... Во главе каравана на маленькой лохматой лошадке, разукрашенной разноцветными пятнами неправильной формы, у которой грива свисала ниже шеи, а хвост едва не доставал земли, восседал уже Салам. Он мирно дремал, покачиваясь в кресле. В повозке под блестящим шатром на мягком ковре возлежала мать, упершись локтем о подушку. Рядом сидели два ее мальчика, которые были одеты в дорожную

одежда. Предводитель охранников, кто ранее и не замечал ее присутствия, почтительно спрашивал ее указаний.

Крик удивления вырвался из уст женщины. Она взидала на предводителя охраны и не могла произнести ни слова. Тут же рядом с повозкой оказался и Салам.

– Госпожа позовет тебя, когда будешь нужен, Рахмат! Пока занимайся своим делом и не мешай нам общаться!

Рахмат с почтением приложил ладонь правой руки к сердцу, склонил голову и отвел своего коня от повозки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.